

КОГНИТИВНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ И. КАНТА И ОБЫДЕННОЕ ПОЗНАНИЕ

Р. Н. ДОЖДИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуется предложенная И. Кантом концепция истины, которая является синтезом корреспондентской и когерентной концепций истины. Рассматриваются три уровня истины обыденного познания: 1) истина реальных вещей (предметное знание), событий (ситуативно-событийное знание) и отношений (коммуникативное знание); 2) когнитивно-практическая истина (знание-навык, знание-рецепт); 3) аксиологическая истина (знания в области религии, морали, искусства). Раскрываются особенности понимания абсолютной и относительной истины обыденного познания, описываются критерии ее достоверности. Отмечается, что истина обыденного познания характеризуется субъективностью, чувственной достоверностью, прагматизмом, ситуативной релятивностью, конкретностью, интуитивностью, соответствием здравому смыслу. Когнитивную позицию И. Канта, предполагающую постоянный поиск истины, можно охарактеризовать как ученое незнание. Философ не отрицал познаваемости мира, а лишь указывал на границы познания.

Ключевые слова: знание; границы; корреспондентская и когерентная концепции истины; истина; обыденное познание; социокод.

I. KANT'S COGNITIVE AXIOLOGICAL IDEAS AND EVERYDAY COGNITION

R. N. DOZHDIKOVA^a

^aBelarusian National Technical University, 65 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220013, Belarus

Abstract. The concept of truth proposed by I. Kant is investigated, which is a synthesis of correspondent and coherent concepts of truth. Three levels of the truth of everyday knowledge are considered: 1) the truth of real things (subject knowledge), events (situational-event knowledge) and relationships (communicative knowledge); 2) cognitive-practical truth (knowledge-skill, knowledge-recipe); 3) axiological truth (knowledge in the field of religion, morality, art). The peculiarities of understanding absolute and relative truth in everyday knowledge are revealed, the criteria of its reliability are described. It is noted that the truth of everyday knowledge is characterised by subjectivity, sensory certainty, pragmatism, situational relativity, concreteness, intuitiveness, conformity to common sense. I. Kant's cognitive position, which presupposes a constant search for truth, can be characterised as scientific ignorance. The philosopher did not deny the knowability of the world, but only pointed out the boundaries of knowledge.

Keywords: knowledge; limits; correspondent and coherent concepts of truth; truth; everyday cognition; sociocode.

Образец цитирования:

Дождикова Р.Н. Когнитивно-аксиологические идеи И. Канта и обыденное познание. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;2:14–21.
EDN: YNASWI

For citation:

Dozhdikova RN. I. Kant's cognitive axiological ideas and everyday cognition. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;2:14–21. Russian.
EDN: YNASWI

Автор:

Раиса Нуриевна Дождикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философских учений факультета технологий управления и гуманитаризации.

Author:

Raisa N. Dozhdikova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophical studies, faculty of management technologies and humanisation.
dozhdikova@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6389-7220>

Введение

Немецкий поэт Г. Гейне отмечал, что «Максимилиану Робеспьеру оказывают... слишком много чести, сравнивая его с Иммануилом Кантом» [1, с. 137]. Однако основания для их сравнения все же есть: «Прежде всего мы встречаем в обоих ту же неумолимую резкую... трезвую честность. Затем в обоих встречаем мы тот же талант недоверия с той лишь разницей, что один направляет его на мысль и называет критикой, между тем как другой направляет его на людей и именуется республиканской добродетелью» [1, с. 139]. По утверждению Г. Гейне, работа И. Канта «Критика чистого разума» есть «меч, отрубивший в Германии голову деизму» [1, с. 137]. Сам немецкий философ считает свой труд трактатом о методе [2, с. 26]. В своей работе он выступает против материализма, фатализма, атеизма, неверия, свободомыслия, фанатизма, суеверия, идеализма и скептицизма, «которые могут приносить всеобщий вред...

опасны для школ и вряд ли могут распространяться среди широкой публики» [2, с. 33–34]. До И. Канта философы «шли двумя различными путями, в зависимости от того, признавали они идеи a priori или идеи a posteriori; меньше задумывались над самой способностью познания, над объемом нашей способности познания и над ее границами» [1, с. 144].

В современной философской литературе И. Канта считают сторонником агностицизма и когерентной концепции истины. Так, в фундаментальном исследовании «Природа научной истины» Э. М. Чудинов называет И. Канта одним из основоположников когерентной концепции [3, с. 21]. Целью нашего исследования является уточнение когнитивной позиции И. Канта, в частности его интерпретация истины, здравого смысла, общего чувства и целей человеческого разума, позволяющих эксплицировать особенности истины обыденного познания.

Когнитивная позиция И. Канта

Предметом критического рассмотрения И. Канта выступает природа самого познания, а также отношение знания к тому, «что необходимо интересует каждого» [2, с. 611]. Ученый различал школьное понятие философии как понятие о системе знания и мировое понятие философии, которое персонафицировалось в образе философа как идеала. Философия есть наука об отношении всякого знания к существенным целям человеческого разума [2, с. 610]. Когнитивную позицию И. Канта, предполагающую постоянный поиск истины, можно охарактеризовать как «ученое незнание» [4, с. 65; 5, с. 83; 6, с. 267]. Данная позиция связана с пониманием сложности и бесконечности познавательной деятельности, что следует из математических антиномий, например о том, что мир бесконечен и в нем нет ничего простого. И. Кант сделал ряд открытий в естествознании, исследовал два основных ствола познания – чувственность и рассудок («посредством чувственности предметы нам даются, рассудком же они мыслятся» [2, с. 59]), проанализировал сущность истины, познавательные способности субъекта познания, а также виды апостериорного и априорного знания в науке (например, идеализации в геометрии). Он признавал открытия Н. Коперника и И. Ньютона и утверждал, что «всякое наше познание начинается с опыта» [2, с. 40]. И. Кант не отрицал познаваемости мира, а лишь указывал на границы познания. Действительно, полное исчерпывающее знание о мире существует лишь как недостижимая цель познания, так как мир бесконечен и находится в постоянном развитии.

Философ определял ноумен как задачу, следовательно, все ноумены и их совокупность составляют умопостижимый мир – «не что иное, как представление о некоторой задаче, предмет которой сам по

себе, конечно, возможен, но решение которой – согласно природе нашего рассудка – совершенно невозможно» [7, с. 76]. Ноумен можно считать регулятивной идеей И. Канта, недостижимой абсолютной истиной. В предисловии к первому изданию своего основного сочинения И. Кант отмечал, что «на долю человеческого разума в одном из видов его познания выпала странная судьба: его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой; но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят все возможности человеческого разума» [2, с. 9].

Идеи И. Канта и Х. Ортега-и-Гассета о познании, несомненно, перекликаются. Х. Ортега-и-Гассет считал, что «...само познание не способность, не дар и не механизм, а напротив, задача, поставленная перед человеком. И задача, возможно, невыполнимая» [8, с. 82]. Стремление человека к познанию выходит за пределы его дарований и тех средств, которыми он располагает. Человек пускает в ход все свои орудия, но их применение не обеспечивает успеха. На деле оказывается, что «человек испытывает странное влечение к познанию, однако ему не достает дарований того, что Аристотель назвал его природой» [8, с. 82–83].

В работе «Критика чистого разума» И. Кант формулирует ряд принципов, которые в последующем активно использовали философы. Так, в предисловии ко второму изданию своей знаменитой работы И. Кант называет принцип, согласно которому истинность теории определяется ее результатами: «Разрабатываются ли знания, которыми оперирует разум, на верном пути науки или нет, можно легко определить по результатам» [2, с. 18]. В дальнейшем данный принцип получил известность как принцип Пирса, хотя его основы заложены И. Кантом.

Утверждение В. Гейзенберга, согласно которому «то, что мы наблюдаем, это не сама природа, а природа, которая выступает в том виде, в каком она выявляется благодаря нашему способу постановки вопросов» [9, с. 27], перекликается с идеями И. Канта об измененном методе мышления: «...мы а priori познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими» [2, с. 24]. Кроме того, данное умозаключение В. Гейзенберга имеет схожую природу со следующими тезисами И. Канта: «Разум должен подходить к природе, с одной стороны, со своими принципами, лишь сообразно с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов, и, с другой стороны, с экспериментами, придуманными сообразно этим принципам для того, чтобы черпать из природы знания, но не как школьник, которому учитель подсказывает все, что ему угодно, а как судья, заставляющий свидетеля отвечать на предлагаемые им вопросы» [2, с. 21–22]; «...мы не знаем ничего, кроме свойственного нам способа воспринимать [предметы]» [2, с. 79]; «...не представления о вещах, как они нам даны, сообразуются с этими вещами самими по себе, а скорее эти предметы, как явления, сообразуются с тем, как мы их представляем» [2, с. 27].

И. Кант поступает подобно Н. Копернику, который отважился, «идя против показаний чувств, но следуя при этом истине, отнести наблюдаемые движения не к небесным телам, а к их наблюдателю» [2, с. 27].

И. Кант об истине

Со времен Аристотеля одной из ключевых задач философии является постижение истины. Исследуя отношение знания к существенным целям человеческого разума, И. Кант разработал собственную концепцию истины. Так, в работе «Критика чистого разума» он говорит, с одной стороны, об истине содержания (эмпирической истине), соответствующей или несоответствующей объекту (положительное условие истины), и, с другой стороны, об истине формы (логической истине), согласующейся с законами логики (негативное условие истины).

Классическое понимание истины И. Кант называет номинальной дефиницией истины, «...согласно которой она есть соответствие знания с его предметом... Но весь вопрос в том, чтобы найти всеобщий и верный критерий истины для всякого знания» [2, с. 94]. Рассуждая о всеобщем критерии истины, философ заключает, что соблюдение данного критерия может обеспечить логика, «поскольку она излагает всеобщие и необходимые правила рассудка» [2, с. 95]. Однако логический критерий истины есть негативное условие истины, так как он касается лишь ее формы, а не содержания. И. Кант утверждает, что согласие с законами рассудка является формальной стороной всякой истины: «В самом деле, истина или видимость находится не в предмете, поскольку его со

Изменив прежний способ исследования в метафизике, И. Кант совершил в ней «полную революцию, следуя примеру геометров и естествоиспытателей» [2, с. 26], и поэтому не без основания сравнивал свою философию с методом Н. Коперника. Прежде разум «вращался вокруг мира явлений и старался освещать их; но Кант останавливает разум, солнце, и мир явлений вращается вокруг разума и освещается им по мере вхождения в сферу этого солнца» [1, с. 145]. Мыслитель подверг беспощадному исследованию нашу способность познания, измерил всю глубину этой способности и установил ее границы. Он обнаружил, «...что мы совершенно ничего не можем знать об очень многих вещах, с которыми, по нашему прежнему убеждению, состояли в ближайшем знакомстве. Это было очень досадно. Но все же полезно было узнать, о каких вещах мы ничего не можем знать. Кто предупреждает нас о бесполезных путях, оказывает нам такую же услугу, как и тот, кто указывает нам правильный путь» [1, с. 144]. Идеи И. Канта о негативной пользе философии чистого разума и необходимости дисциплины при трансцендентальном применении разума должны удерживать его от крайностей и заблуждений: «Некоторые заблуждения можно устранить при помощи цензуры, а их причины – при помощи критики» [2, с. 527]. Данный подход можно рассматривать в контексте решения современной проблемы информационного шума и дезинформации.

зерцают, а в суждении о предмете, поскольку его мыслят. <...> Следовательно, и истина, и ошибка, а значит, и видимость, вводящая в заблуждение, имеют место только в суждении, т. е. только в отношении предмета к нашему рассудку. В знании, полностью согласующемся с законами рассудка, не бывает никакого заблуждения. <...> В согласии с законами рассудка и заключается формальная сторона всякой истины» [2, с. 270–271]. Ученый выделяет формально-логический и материально-объективный критерии истинного знания и заявляет о необходимости соединить их: «...одной лишь формы познания, как бы она ни соответствовала логическим законам, далеко еще не достаточно, чтобы установить материальную (объективную) истинность знания... никто не отважится судить о предметах с помощью одной лишь логики и что-то утверждать о них, не собрав о них уже заранее основательных знаний помимо логики, с тем чтобы впоследствии только попытаться использовать и соединить их в одно связное целое согласно логическим законам или, что еще лучше, только проверить их сообразно этим законам» [2, с. 96]. Для И. Канта логика есть только канон для оценки правильности рассуждения, однако она «нередко применяется как бы в качестве *органо*на для действительного создания по

крайней мере видимости объективных утверждений и таким образом на деле употребляется во зло» [2, с. 96]. Именно так поступали софисты, которые нарушали законы логики.

Концепция истины И. Канта представляет собой синтез корреспондентской и когерентной концепций истины: «...истинность основывается на соответствии с объектом, в отношении которого, следовательно, суждения всякого рассудка должны быть согласованы между собой» [2, с. 598]. В отличие от мнения истинное знание обладает субъективной

достаточностью (убеждением для себя) и объективной достаточностью (достоверностью для каждого): «Мнение есть сознательное признание чего-то истинным, недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны... Наконец, и субъективно, и объективно достаточное признание истинности суждения есть *знание*» [2, с. 599–600]. Объективная достаточность истинного знания есть коренное свойство истины. Субъективная достаточность истинного знания характеризует истину обыденного познания.

И. Кант о здравом смысле и общем чувстве

Здравый человеческий смысл И. Кант называет волшебным жезлом, «с помощью которого не каждый что-то находит и с которым каждый обращается по-своему» [7, с. 136]. Таким образом, здравый смысл, с одной стороны, является общезначимым, а с другой стороны, субъективно применяемым. Он полезен и правомерен в практическом жизненном применении, «но по совершенно особым основоположениям, значение которых всегда зависит от отношения к практическому» [7, с. 138].

Рассуждая об обыденном человеческом рассудке, который в качестве простого здравого смысла именуется общим чувством, И. Кант предлагает свою трактовку общего чувства как «...способности суждения, мысленно (априорно) принимающего во внимание способ представления каждого, чтобы... избежать иллюзии, которая в силу субъективных частных условий, легко принимаемых за объективные, могла бы оказать вредное влияние на суждение. Происходит это благодаря тому, что свое суждение сопоставляют с суждениями других... и ставят себя на место другого... Быть может, эта операция рефлексии покажется слишком сложной, чтобы приписать ее общему чувству, однако... нет ничего более естественного, чем абстрагирование от привлекательности или трогательности, когда ищут суждение, которое должно служить общим правилом» [10, с. 134].

По сути, И. Кант связывает общее чувство с моралью, всеобщим правилом и максимами обыденного человеческого рассудка. Он выделяет три максимы

обыденного человеческого рассудка: 1) мыслить самостоятельно (свободное от предрассудков мышление); 2) мыслить, ставя себя на место другого (широкое мышление); 3) мыслить в согласии с самим собой (последовательное мышление). Первая максима достигается с помощью просвещения, вторая максима связана со способностью человека принимать всеобщую точку зрения, а третья максима может быть достигнута «только путем соединения двух первых максим, превратившегося в результате частого следования им в навык» [10, с. 135–136]. И. Кант пишет, что «...вкус с большим правом может быть назван *sensus communis* (здравый смысл. – *Р. Д.*), чем здравый рассудок, а способность эстетического суждения, скорее, чем интеллектуальная, – общим для всех чувством... Вкус можно было бы даже определить как способность судить о том, чему наше чувство в данном представлении придает всеобщую сообщаемость без опосредствования понятием» [10, с. 136]. Поэтому «вкус можно было бы обозначить как *sensus communis aestheticus* (общее эстетическое чувство. – *Р. Д.*), а обычный здравый рассудок – как *sensus communis logicus* (логический здравый смысл. – *Р. Д.*)» [10, с. 136]. Таким образом, И. Кант не только формулирует максимы обыденного человеческого рассудка, характеризующие образ мыслей субъекта обыденного познания с позиции общего чувства, но и рассматривает вкус как одну из форм обыденного познания, не опосредованную понятием.

Существенные цели человеческого разума

Некоторые проблемы человеческого бытия, связанные с моральными ценностями, императивами человеческой деятельности, поведением и общением, являются вечными. Они представляют собой некий социокод, передаваемый из поколения в поколение. В данном контексте уместным будет сформулированный И. Кантом категорический императив: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [11, с. 409]. В данном случае максима, выступающая субъективным принципом волеия [12, с. 170], может стать практическим законом,

т. е. объективным принципом волеия [12, с. 170], примером для подражания. Ответственность человека за свои поступки возрастает. Как говорил Ж.-П. Сартр, прежде чем что-то сделать, необходимо задать себе вопрос: «А что будет, если все поступят точно так же?» В этом смысле человек не только выбирает свое бытие, но и является законодателем для всего человечества [13, с. 325]. По мнению И. Канта, в соблюдении этого высшего закона нравственности состоит моральный долг каждого. Существуют и более простые формулировки данного закона: «Поступай так, как ты хочешь, чтобы поступали в отношении

тебя самого»; «Человек – это всегда цель, а не средство». Идеи И. Канта перекликаются с учением М. М. Бахтина: «То, что мною может быть совершенно, никем и никогда совершенно быть не может. <...> Этот факт моего не-алиби в бытии, лежащий в основе самого конкретного и единственного должностования поступка, не узнается и не познается мною, а единственным образом признается и утверждается» [14, с. 41]. В данном случае М. М. Бахтин имеет в виду и поступок-мысль, и поступок-чувство, и поступок-дело.

Этические идеи И. Канта схожи с идеями греческого философа Фалеса, с которого, по словам Э. Гуссерля, начинается отсчет «нового человечество – люди, которые профессионально создают философскую жизнь, философию как новую форму культуры» [15, с. 109]. Кроме того, идеи И. Канта во многом схожи с идеями Конфуция, Эпиктета, а также с христианскими идеями. По свидетельству Диогена Лазертского, Фалес утверждал, что самая лучшая жизнь – это «когда мы сами не делаем того, что осуждаем в других» [16, с. 74]. Он был глубоко уверен в том, что «чем поддержал ты своих родителей, такой поддержки жди и от детей» [16, с. 74].

Конфуций и И. Кант связывали две бесконечности, небо и мораль, в единое целое. Конфуций говорил: «Небо породило во мне моральные качества... породило во мне Дэ», т. е. добродетель [17, с. 242]. Этапы философского становления И. Канта отражают гармонию неба и морали: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» [11, с. 562]. Отсюда берут начало и создание труда «Всеобщая естественная история и теория неба» в докритический период, и формулирование категорического императива в критический период творчества философа. У Конфуция была своя версия категорического императива: «Чего я не желаю, чтобы другие делали мне, того я не желаю делать другим» [17, с. 158]; «Благородный муж способствует тому, чтобы в человеке побеждало все, что есть в нем самого хорошего» [17, с. 429]. Можно найти идеи человеколюбия и жизнелюбия [17, с. 121] и в конфуцианской концепции благородного мужа, согласно которой «благородный муж знает долг, низкий человек знает выгоду» [17, с. 133], и в учении И. Канта о «долге, который носит название человечности» [18, с. 503]. Основные обязанности человека состоят в том, чтобы заботиться о своем здоровье и проявлять любовь и уважение по отношению к другим [18, с. 493]. Так, долг любви к ближнему – это «долг делать цели других... мои-

ми» [18, с. 495]. По мнению Г. Йонаса, кантовское благоговение перед законом подразумевает «благоговение перед возвышенностью безусловного “ты должен”, исходящего от разума» [19, с. 167].

Идеи И. Канта перекликаются с идеями Эпиктета, а также с идеями, изложенными в Библии. По учению Эпиктета, «чего не желаешь себе, не желай и другим» [20, с. 256], «чего не следует делать, того не делай даже в мыслях» [20, с. 262]. Он полагал, что нужно быть нравственным изнутри, на уровне мыслей, мотиваций и намерений. Христианские заповеди исходят из любви к Богу и стремления быть ему подобным, а также из любви к человеку: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный»; «Возлюби ближнего твоего как самого себя»; «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними».

В наши дни нравственный императив распространяется на все живое (идея А. Швейцера о благоговении перед жизнью). По убеждению Э. Ласло, императив нашего времени состоит в том, чтобы «жить так, чтобы давать другим жить так же хорошо», причем под другими подразумеваются «не только люди, но и растения, животные и все существа, которые образуют тонкую пленку жизни на планете» [21, с. 83]. Данный императив перекликается с идеями М. Ганди: «Станьте сами тем изменением, которое хотели бы увидеть в мире»; «...живи проще, чтобы другие могли жить лучше» [21, с. 134]. Необходимо соблюдать принцип разумного самоограничения, вести более простой образ жизни и, самое главное, – не сетовать на жизнь, а самому становиться лучше. Благоговение перед жизнью содержит в себе три основных элемента мировоззрения как три взаимосвязанных результата мышления: смирение, этику и жизнеутверждение [22, с. 29].

Сегодня мы готовим свое завтра, поэтому жить и поступать следует так, чтобы любое наше действие могло спасти мир. Мы должны создавать и укреплять этот мир, а не разрушать его. М. Л. Кинг отмечал, что даже если завтра будет конец мира, сегодня он посадит дерево. Г. Йонас сформулировал категорический императив этики будущего: «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле» [19, с. 58]. Такое миропонимание во многом является схожим с категорическим императивом И. Канта. Кроме того, многие идеи Г. Йонаса перекликаются с тезисами из работы И. Канта «Метафизика нравов», в частности с тезисом о том, что необходимо «уважение к достоинству личностей как целей самих по себе» [19, с. 168].

Истина обыденного познания

Истина обыденного познания – это эмпирически апробированное, исторически и практически закрепленное знание реального положения дел в жизнен-

ном мире человека, основанное на социокультурной трансляции опыта поколений [23, с. 104]. Можно выделить кумулятивно-онтогенетические истины,

полученные в процессе онтогенеза, и кумулятивно-филогенетические истины, транслируемые в процессе филогенеза. Истина – это то, что интересует каждого. Она является основанием повседневной жизни, позволяет субъекту ориентироваться в мире людей и вещей, упорядочивать хаос сведений, осмысливать жизненный опыт, формировать жизненную позицию, постигать смысл бытия. Значение обыденного познания состоит в том, что оно открывает человеку простые и понятные живые истины, находящие непосредственное применение и способные завладеть сердцем и умом субъекта обыденного познания в отличие от сухого языка фактов. Например, И. В. фон Гёте в драме «Фауст» различал сухие «серые» истины теории и «вечно зеленеющие» истины жизни.

Исходя из трех вопросов И. Канта («Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я могу надеяться?»), можно выделить три вида истины обыденного познания:

1) истину реальных вещей (предметное знание), событий (ситуативно-событийное знание) и отношений (коммуникативное знание);

2) когнитивно-практическую истину (знание-навык, знание-рецепт);

3) аксиологическую истину (знания в области религии, морали, искусства).

Истина обыденного познания обладает следующими характеристиками: субъективностью, чувственной достоверностью, прагматизмом, конкретностью, ситуативной релятивностью, интуитивностью, соответствием здравому смыслу. И. Кант отмечает, что здравый смысл – «...обыденный рассудок, поскольку он судит правильно. А что такое обыденный рассудок? Это способность познания и применения правил *in concreto* в отличие от спекулятивного рассудка, который есть способность познания правил *in abstracto*» [7, с. 136]. Наиболее ценными свойствами истины в обыденном познании выступают бытийная достоверность, искренность и способность вызывать доверие. В народе часто считают истиной то, во что можно верить. Владение истиной обыденного познания отражается в практической компетентности субъекта. Критериями житейских истин являются их практическая польза для человека и присутствие в них здравого смысла [23, с. 106]. Истина обыденного познания сопряжена с понятиями правильности, справедливости, чувством истины или чувством правды [10, с. 133]. Чувство правды связано с выработанным у человека своеобразным иммунитетом против лжи и дезинформации.

Понятие правды является этимологически близким понятию права у человека и означает оценку событий, опирающуюся на моральную норму, которая в дальнейшем становится законом. Для представителей русской философии характерна жажда «органического слияния истины и добра, знания и веры» [24, с. 39]. Об этом свидетельствует и жи-

тейская правда, отраженная в русских пословицах: «Правда светлее солнца»; «Правда дороже золота».

Правда – это субъективная интерпретация истины. Субъективность истины обыденного познания олицетворяет ее относительность. У каждого человека своя жизненная правда, которая может казаться человеку абсолютной, но на деле она может быть относительно верной, неполной, односторонней или даже ложной. Постигание жизненной истины проходит через борьбу правды и неправды (кривды), то есть лжи, вольного или невольного обмана и самообмана. Так, А. С. Пушкин в стихотворении «Признание» писал: «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад!», а в стихотворении «Герой» признавался: «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман».

Истина обыденного познания может иметь следующие формы: правда-быль, т. е. основанная на практическом опыте убежденность в правоте своих суждений и оценок; своя правда, сопряженная с сомнением в ценности и правдивости чужого знания, что отражается, например, в известной проблеме отцов и детей. Правду как истину обыденного познания характеризует определенный хронотоп [23, с. 105]. В зависимости от хронотопа можно выделить следующие виды правды:

1) сиюминутную индивидуально-субъективную правду, правду «здесь и сейчас», правду желаний, эмоций и отношений (масштаб внутреннего времени и личного пространства);

2) личностную правду жизни (масштаб накопленного и пережитого опыта и освоенного социального пространства);

3) коллективно-групповую историческую правду (масштаб поколения и территории государства).

В рамках обыденного познания можно выделить абсолютную и относительную истину. В основе относительной истины лежит понятие правды, а в основе абсолютной истины – так называемые неписанные правила, которыми мы руководствуемся в повседневной жизни. И. Кант называет последние аксиомами, «ходячими, эмпирически применяемыми правилами», заимствованными у обыденного разума [2, с. 536]. Кроме того, есть самоочевидные истины и законы, «которые подтверждаются самым обыденным опытом» [2, с. 22]. Если привести пример «применения самого обыденного рассудка, то этому служит утверждение, что всякое изменение должно иметь причину» [2, с. 42–43]. С этой точки зрения в качестве абсолютной истины обыденного познания могут выступать следующие категории:

1) социокультурные, общезначимые, интерсубъективные истины, выступающие в качестве обязательных норм поведения, правил морали (например, заповеди «возлюби ближнего своего», «почитай отца и мать», «не укради», «не убий», «не пожелай ничего чужого»);

2) вечные истины, отражающие достоверные события (факты и даты);

3) соответствие справедливости, добру и другим высшим ценностям (истина-справедливость, истина милосердия, о которой говорил апостол Павел);

4) Бог и его учение (истины откровения в религии);

5) церковь как организм истины и любви;

6) формы житейской мудрости, выраженные в крылатых выражениях и пословицах («Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Семь раз отмерь – один раз отрежь», «Не плюй в колодец – пригодится воды напиться»);

7) самоочевидные истины (целое больше части, всякое изменение должно иметь причину и т. д.);

8) подлинные истины (касающиеся, например, человеческих отношений и чувств);

9) обретение подлинного Я, постижение настоящего смысла жизни;

10) образец жизни, деятельности, поведения и общения.

Для немецкого философа в качестве примера для подражания может выступать выдающаяся личность в истории, культуре, науке. Идеалом учителя и философа как образца, по словам И. Канта, должен быть не виртуоз разума, а «законодатель человеческого разума» [2, с. 610]. Следует держаться исключительно этой идеи, ведь образец мыслим только в ней [2, с. 611].

Заключение

Исследование позволило уточнить когнитивную позицию И. Канта и охарактеризовать ее как ученое незнание, связанное с пониманием сложности и бесконечности познавательной деятельности. Для немецкого философа образец мыслим только в идее, поэтому ноумен является не только задачей познания, но и своего рода идеалом знания, регулятивной идеей познания. Открытия И. Канта в области естествознания и его философские идеи позволяют сделать вывод о том, что ученый не отрицал познаваемости мира, а лишь указывал на границы познания.

Анализ теоретических сочинений И. Канта позволил заключить, что его концепция истины представляет собой синтез корреспондентской и когерентной концепций истины. Исследуя цели человеческого разума, мы отнесли к ним не только понимание истины по учению Канта, но и сформулированный им категорический императив, своеобразный

социокод, передаваемый из поколения в поколение.

И. Кант не только сформулировал максимы обыденного человеческого рассудка, характеризующие образ мыслей субъекта обыденного познания с позиции общего чувства, но и рассмотрел вкус как одну из форм обыденного познания, не опосредованную понятием.

Знаменитые три вопроса И. Канта и его идеи о специфике обыденного человеческого рассудка позволили эксплицировать особенности и уровни истины обыденного познания, рассмотреть разновидности абсолютной и относительной истины, а также выявить критерии ее достоверности. Анализ когнитивно-аксиологических идей И. Канта показал актуальность понятия философии как науки об отношении всякого знания к существенным целям человеческого разума, к которым можно отнести истину научного и обыденного познания, нравственные законы и смысл жизни.

Библиографические ссылки

1. Гейне Г. *К истории религии и философии в Германии*. Москва: Прогресс; 1994. 227 с.
2. Кант И. *Собрание сочинений. Том 3*. Гулыга АВ, редактор. Москва: Чоро; 1994. 678 с.
3. Чудинов ЭМ. *Природа научной истины*. Москва: Политиздат; 1977. 312 с.
4. Дождзікава РН. Структура і дынаміка штодзённага пазнання. *Весці БДПУ. Серыя 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*. 2010;4:63–67.
5. Дождзікава РН. *Обыденное познание в контексте цивилизационного развития*. Минск: Белорусский национальный технический университет; 2020. 210 с.
6. Дождзікава РН. Современная структура обыденного познания. *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук*. 2021;66(3):263–270. DOI: 10.29235/2524-2369-2021-66-3-263-270.
7. Кант И. *Собрание сочинений. Том 4*. Гулыга АВ, редактор. Москва: Чоро; 1994. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука; с. 5–152.
8. Ортега-и-Гассет Х. *Что такое философия?* Москва: Наука; 1991. 403 с.
9. Гейзенберг В. *Физика и философия. Часть и целое*. Москва: Наука; 1989. 400 с.
10. Кант И. *Собрание сочинений. Том 5*. Гулыга АВ, редактор. Москва: Чоро; 1994. 330 с.
11. Кант И. *Собрание сочинений. Том 4*. Гулыга АВ, редактор. Москва: Чоро; 1994. Критика практического разума; с. 373–565.
12. Кант И. *Собрание сочинений. Том 4*. Гулыга АВ, редактор. Москва: Чоро; 1994. Основы метафизики нравственности; с. 153–246.
13. Сартр Ж-П. *Экзистенциализм – это гуманизм*. В: Яковлев АА, редактор. *Сумерки богов*. Москва: Политиздат; 1990. с. 319–344.
14. Бахтин ММ. *Работы 1920-х годов*. Киев: Next; 1994. 383 с.
15. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. *Вопросы философии*. 1986;3:101–116.

16. Диоген Лаэртский. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Гаспаров МЛ, переводчик. Москва: Мысль; 1979. 571 с.
17. Конфуций. *Беседы и суждения Конфуция*. Грищенко ПВ, редактор. Санкт-Петербург: Кристалл; 2001. 1119 с.
18. Кант И. *Собрание сочинений. Том 6*. Гулыга АВ, редактор. Москва: Чоро; 1994. Метафизика нравов; с. 224–543.
19. Йонас Г. *Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации*. Маханьков ИИ, переводчик. Москва: Айрис-пресс; 2004. 480 с.
20. Сапов ВВ, составитель. *Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий*. Москва: Республика; 1995. 463 с.
21. Ласло Э. *Макросдвиг: к устойчивости мира курсом перемен*. Данилов ЮА, переводчик. Москва: Тайдекс Ко; 2004. 206 с.
22. Швейцер А. *Благоговение перед жизнью*. Гусейнов АА, переводчик. Москва: Прогресс; 1992. 576 с.
23. Дождикова РН. К вопросу об истине в научном и обыденном познании. *Вопросы философии*. 2022;7:98–108.
24. Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда. В: Казакова Н, составитель. *Вехи: интеллигенция в России*. Москва: Молодая гвардия; 1991. с. 24–42.

References

1. Heine G. *K istorii religii i filosofii v Germanii* [On the history of religion and philosophy in Germany]. Moscow: Progress; 1994. 227 p. Russian.
2. Kant I. *Sobranie sochinenii. Tom 3* [Collected works. Volume 3]. Gulyga AV, editor. Moscow: Choro; 1994. 678 p. Russian.
3. Chudinov EM. *Priroda nauchnoi istiny* [The nature of scientific truth]. Moscow: Politizdat; 1977. 312 p. Russian.
4. Dozhdikova RN. [The structure and dynamics of everyday cognition]. *Vesci BDPU. Seryja 2, Gistoryja. Filasofija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Kul'turalogija*. 2010;4:63–67. Belarusian.
5. Dozhdikova RN. *Obydennoe poznanie v kontekste tsivilizatsionnogo razvitiya* [Everyday cognition in the context of civilisational development]. Minsk: Belarusian National Technical University; 2020. 210 p. Russian.
6. Dozhdikova RN. Modern structure of everyday cognition. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*. 2021;66(3):263–270. Russian. DOI: 10.29235/2524-2369-2021-66-3-263-270.
7. Kant I. *Sobranie sochinenii. Tom 4* [Collected works. Volume 4]. Gulyga AV, editor. Moscow: Choro; 1994. [Prolegomena to any future metaphysics that may appear as a science]; p. 5–152. Russian.
8. Ortega y Gasset J. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Moscow: Nauka; 1991. 403 p. Russian.
9. Heisenberg V. *Fizika i filosofiya. Chast' i tseloe* [Physics and philosophy. Part and whole]. Moscow: Nauka; 1989. 400 p. Russian.
10. Kant I. *Sobranie sochinenii. Tom 5* [Collected works. Volume 5]. Gulyga AV, editor. Moscow: Choro; 1994. 330 p. Russian.
11. Kant I. *Sobranie sochinenii. Tom 4* [Collected works. Volume 4]. Gulyga AV, editor. Moscow: Choro; 1994. [Criticism of practical reason]; p. 373–565. Russian.
12. Kant I. *Sobranie sochinenii. Tom 4* [Collected works. Volume 4]. Gulyga AV, editor. Moscow: Choro; 1994. [Fundamentals of the metaphysics of morality]; p. 153–246. Russian.
13. Sartre J-P. [Existentialism is humanism]. In: Yakovlev AA, editor. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow: Politizdat; 1990. p. 319–344. Russian.
14. Bakhtin MM. *Raboty 1920-kh godov* [Works of the 1920s]. Kiev: Next; 1994. 383 p. Russian.
15. Husserl E. [The crisis of European humanity and philosophy]. *Voprosy filosofii*. 1986;3:101–116. Russian.
16. Diogen Laertskii. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov* [About the life, teachings and sayings of famous philosophers]. Gasparov ML, translator. Moscow: Mysl'; 1979. 571 p. Russian.
17. Konfutsii. *Besedy i suzhdeniya Konfutsiya* [Conversations and judgments of Confucius]. Grishchenkova RV, editor. Saint Petersburg: Kristall; 2001. 1119 p. Russian.
18. Kant I. *Sobranie sochinenii. Tom 6* [Collected works. Volume 6]. Gulyga AV, editor. Moscow: Choro; 1994. [Metaphysics of morals]; p. 224–543. Russian.
19. Jonas G. *Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoi tsivilizatsii* [The principle of responsibility. The experience of ethics for technological civilisation]. Makhan'kov II, translator. Moscow: Airis-press; 2004. 480 p. Russian.
20. Sapov VV, compiler. *Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avrelii* [Roman stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. Moscow: Respublika; 1995. 463 p. Russian.
21. Laszlo E. *Makrosdvig: k ustoychivosti mira kursom peremen* [Macrosdift: towards the stability of the world by the course of change]. Danilov YuA, translator. Moscow: Taideks Ko; 2004. 206 p. Russian.
22. Schweitzer A. *Blagogovenie pered zhizn'yu* [Reverence for life]. Guseinov AA, translator. Moscow: Progress; 1992. 576 p. Russian.
23. Dozhdikova RN. About the truth in the scientific and everyday cognition. *Voprosy filosofii*. 2022;7:98–108. Russian.
24. Berdyaev N. [Philosophical truth and intellectual truth]. In: Kazakova N, compiler. *Vekhi: intelligentsiya v Rossii* [Milestones: intelligentsia in Russia]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1991. p. 24–42. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.04.2024.
Received by editorial board 04.04.2024.